

Несмотря на уникальность человеческого мозга, возможности его неограничены, поэтому способность избавляться от информации, т.е. забывать, является важной и жизненно необходимой. Значение «забывать, избавляться от мыслей, убеждений» эксплицировано в следующих ФЕ: *выбрасывать из головы, вылетать из головы, из головы вон выскочило, выбить дурь из головы, выбивать из головы*: «С немалым трудом он заставил себя *выбросить нутое из головы и вернуться мыслями к существенному*» (Б. Акунин).

ФЕ со словом голова (ЛСВ₄): «4. (с опр.) О человеке или носителе каких-л. свойств, качеств, идей и т. п. *Горячая голова*» [1, с. 214]. Эта семема обозначает человека, то есть в основе переноса значения лежит синекдоха, однако употребляется слово *голова* в этом случае только с определением, следовательно, можно говорить о расчлененном наименовании. Фразеологические сочетания в этом случае, как правило, характеризуют человека как обладающего определенными качествами, которые проявляются сверх принятой нормы. Общая семантика определений в таких сочетаниях – ‘удаль, лихачество’ – качества, которые всегда заслуживали восхищение на Руси, хотя формально могли быть и осуждаемы. Таким образом, эта группа фразеологизмов используется для обозначения «смелого, рискующего своей жизнью человека»: *забубенная голова, пролетная голова, горячая голова, бесшабашная голова, буйная голова*, а также словосочетание *о двух головах*: «Уж десять-то тысяч *бесшабашных голов среди них сыщутся, было бы оружие*» /Б. Акунин/. В этом же значении может использоваться сочетание *дурная/ глупая голова*, но имеются ввиду указанные качества, а не интеллектуальные показатели.

ФЕ со словом голова (ЛСВ₆): «6. (разг.) Руководитель, начальник, старший по положению, роли и т. п. *Всему делу голова*» [1, с. 214]. В данном значении лексемы *голова* основным семантическим признаком является ‘начальник’, ‘главный’, который актуализируется в двух фразеологических оборотах: *через голову* – «Не ставя в известность, минуя того, к кому непосредственно следует обращаться» [4, с. 114], а также *сам себе голова* – о совершенно независимом, самостоятельном человеке, который волен поступать, как ему захочется. Происхождение этого фразеологизма связано с периодом крепостничества в России. *Сам себе голова* – бывший крепостной, получивший вольную и не обязанный больше подчиняться кому-либо.

Таким образом, в образовании ФЕ максимально продуктивны ЛСВ₁ и ЛСВ₃. В перспективе предполагается сопоставление мотивационной активности слова *голова* во фразеологии русского и других языков.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2006.
2. Мирослава Горды. Символизация фразеологии современного русского и польского языков / Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. (Лингвистические и культурологические аспекты) // Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006. – М.: ООО Изд. «Эллис»; 2006. – 798 с.
3. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. ч.-к. АН СССР Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988-1991.
4. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985.
6. Ch. Bally. Traite de stylistique francaise, v. I. Ed. 2, Neodelberg. 1921. – P. 67-68.

Науменко В. Г.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В «ЗАВИДНОМ УГОЛКЕ ЗЕМЛИ» (ПО «ФИНЛЯНДСКИМ ПИСЬМАМ» ГРОТА И ПЛЕТНЕВА)

Вопрос постановки преподавания русского языка в Великом Княжестве Финляндском в 1840-1852 гг., который важно обсудить в современных условиях поддержания статуса русского языка как мирового, рассматривается нами в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Финляндия XIX века в творческом наследии русских путешественников».

Записка Плетнева о преподавании русского языка в Александровском университете, сохранившаяся в бумагах Я. К. Грота, написана им 6 (18) июля 1840 г. в Гельсингфорсе, куда он прибыл к юбилею университета в качестве депутата С.-Петербургского университета как его ректор. Радея об успехах русского языка в Финляндии, П. А. Плетнев предложил, «по крайней мере, на *четыре года*, сосредоточить всю деятельность по сей части в самом университете», надеясь, что «он снабдит всю Финляндию отличными учителями не из людей приезжих, всегда помешляющих о возвращении на родину, но из финляндцев же, которые постоянно будут содействовать видам правительства и тогда, когда перейдут из ученой службы в другую. Итак, должны быть при университете для русского языка, его литературы и истории России *четыре преподавателя*, т. е. два лектора, один профессор экстраординарный и один ординарный» (2, с. 661).

Профессор Плетнев предполагал, что лекторы будут обучать студентов 1 и 2 курса, разделив их приблизительно поровну, смотря по числу студентов философского и медицинского факультетов у одного и богословского и юридического у другого. От лектора требовалось преподавание грамматики русского языка и особенно работа с легкими небольшими сочинениями и переводами. «Студентам можно поставить в обязанность по истечении *двух лет*, – писал Плетнев, – знать грамматику основательно, уметь без затруднения переводить с иностранного языка на русский, и хотя бы с ошибками, но непременно говорить по-русски».

Ректор столичного университета был убежден, что «во время *предполагаемого четырехлетия* лекторами должны быть лучшие воспитанники из Главного Педагогического института, особенно из бывших уже преподавателями в губерниях, присоединенных к России».

Экстраординарный профессор вместо теории красноречия или систематической истории литературы составляет *выбор для чтения* студентам любопытнейших мест из писателей русских – в прозе, начиная с Карамзина, а в стихах несколько с Державина, более с Дмитриева и особенно с Жуковского, и так далее до современных включительно. Чтения сопровождаются филологическими и эстетическими объяснениями» (2, с. 662). Для возбуждения любопытства и усиления естественной деятельности ума и вкуса Плетнев предлагал экстраординарному профессору продолжать *год* во всех четырех факультетах 3-го курса занятия со студентами,

которые каждое прочитанное место излагают сокращенно на бумаге, удерживая в сочинении своем смысл подлинника и порядок его мыслей, прибавляя свои суждения или разборы вроде критических.

«Наконец, ординарный профессор, принимая в четвертый курс студентов всех факультетов, читает им лекции в высшем значении университетские, которые продолжаютс *до выхода каждаго факультета* студентов из университета. Он обнимает историю собственно называемой России, Царства Польского, Остзейских областей и Великого Княжества Финляндии. В каждом периоде, после изложения событий политических, он исчисляет и оценивает достоинство памятников литературы чисто русской. Это приведет в систему знание нашей словесности и доставит студентам источники для проверки самой истории, им преподаваемой».

Плетнев знал, что «по этому плану можно будет избежать главнейшего препятствия к успехам в русском языке – сухости и однообразия взгляда на предметы», ибо «каждый из четырех преподавателей сообщит *свои* сведения и мысли. Ординарный профессор, который должен быть один из опытнейших и самый деятельный, самый здравомыслящий русский литератор, обязан будет в качестве декана или инспектора по части преподавания русского языка и литературы его в университете, ответственать перед начальством за систему и правильность преподавания лекторов и даже экстраординарного профессора». Обязанность создания русской библиотеки тоже возлагалась на ординарного профессора.

Для студентов, отлично окончивших курсы у русских преподавателей, Плетнев предлагал учредить на четыре года премии или предоставить им выгоды по службе.

Последнее, о чем писал профессор русского университета, касалось будущего: «Когда университет распространит по Финляндии столько людей, которые воспитают новое поколение в новых чистых понятиях о России, тогда достаточно будет при университете оставить опять одного лектора и одного профессора, но только ординарного, который бы в изложенном мною виде читал историю всех частей, составляющих Империю, и хронологически излагал бы ее литературу». Таким профессором иностранного университета станет 4 апреля 1841 года назначенный летом 1840-го чиновником особых поручений при статс-секретаре Великого Княжества Финляндского графе Ребиндере Яков Карлович Грот, чья многолетняя переписка с Петром Александровичем Плетневым представляет исключительную ценность по многим вопросам, в том числе и по интересующему нас в данной статье.

Надеясь, что граф Ребиндер осуществит его проект преподавания русской литературы в Александровском университете, 13.09.1840 Плетнев советует Якову Карловичу *на первоначальном направлении его занятий* «заранее порыться в книгах, чтобы составить пока хоть идею об истории Севера совокупно с историею России. Мне кажется, это будет совершенно новая в отдельности наука и для студентов очень интересная, особливо, если оживить ее статистикою, топографиею и нравописанием народов, обстоятельствами и природою столько раз сталкиваемых?» (3, с. 52). Интерес Плетнева к проблемам и идеям своего времени вызвал мгновенное обсуждение его мысли об истории всего Севера. Грот нашел ее «прекрасною». «Но, к сожалению, для исполнения ее мало материалов, – отвечал он Плетневу 21.09.40, – т. е. в отношении к России» (3, с. 62). Профессор истории Рейн также жаловался на недостаток русских книг. Плетневу понадобится немного времени для приведения «этой части в лучшее устройство».

Однако заслуживают внимания рассуждения Петра Александровича о поднятой в сентябрьских письмах проблеме. «Вы с Рейном напрасно думаете, – писал он Гроту 27.09.40, – что в русских книгах найдете материал для истории Севера. Что такое европейский Север? Россия (все готово в Карамзине), Польша (читай тамошних авторов, особенно Потоцкого), Лифляндия (обратись к немцам), Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания (все заберите из Стокгольма). Вот вам и история Севера. Но главное: сбить эти частности так, чтобы навести на историю России интересные краски, и математически доказать, какое благо для присоединенных провинций, что им Господь даровал этот жребий. Тут не парадоксы будут, а вопиющая истина, следовательно, и красноречие. Вот вам работа с Рейном. Скажите ему, что я не вандал, а рассуждающий о деле по его сущности. Одни санюлоты кричат без толку против завоеваний. Разве Польше было лучше до присоединения ее к России, да и Финляндии тоже? Надобно говорить дело, а не фразы. Французы в Англии губили язык и нравы, а мы везде их поддерживаем. И если мы желаем, чтобы союзники наши знали по-русски, то единственно для того, чтобы они, узнав нас покороче, убедились, что мы не людоеды, как многие думают по невежеству» (3, с. 70). Ответ Грота был таков: 1.10.40: «Что в русских книгах ничего нет для истории, это я сам говорил Рейну; но все-таки из них можно хоть что-нибудь почерпнуть...» (с. 75); 3.10.40: «Опровергать ложные известия о России я покуда не намерен: всего вдруг не сделаешь, да и многие ли прочтут мои опровержения?» (3, с. 75-76).

Не менее важными для Плетнева в пору чиновничества Якова Карловича были многолюдные гельсингфорские вечера по средам. «Старайтесь пользоваться ими, – писал он Гроту 3.09.1840, – чтобы наводить добрых финляндцев на рассказы, которые бы нам годились для Современника. Перевертывайте перед ними разные русские статьи, чтобы возбудить в них любопытство к русскому языку. Я все надеюсь, что с нынешнего лета произойдет заметная перемена в их образе мыслей на счет русских. Рескрипт Наследника, ответ их на русском языке, появление журнала, где столько говорится о Финляндии, знакомство ректора с таким множеством финляндских фамилий, все это для Гельсингфорса – эпоха. По крайней мере, со мною так думает Ал. Армфельд» (3, с. 37).

Плетнев высоко оценивал Тегнера и Францена и 3.09.40 просил Грота составить «чего-нибудь поподробнее» о Тегнере: «он человек всемирной известности», состоял в переписке с Франценом. Свою роль здесь сыграло и личное знакомство его со шведским епископом и поэтом на июльском торжестве 200-летнего юбилея Александровского (Гельсингфорского) университета.

Но профессору словесности С.-Петербургского университета придется доказывать Гроту, переводчику Фритиофа и статьи «Жизнь Тегнера, описанная Франценом», что у него нет предубеждения против таланта Тегнера. «А я всегда говорить буду, – писал Плетнев 27.09.40, – что пока историки и другие литераторы, даже самые художники не выведут нации на свет перед иностранцами, до тех пор все слишком национальное для последних будет неясно и, следовательно, не вполне интересно. Такова и поэма Фритиоф. Отчего нам Илиада

или Иерусалим, или даже Рай так занимательны? Оттого что мы вспомогательными знаниями введены уже в этот мир, из которого поэт представляет для нас сцены. Отчего не многие умеют наслаждаться чтением самых лучших книг? Оттого, что никто их к тому не подготовил. Такова участь и красот Фритиофа. Не принуждены ли вы под каждой строкой приводить объяснения? Вот почему и надобно нам прежде всего возвысить в глазах иностранцев цену языка нашего, веры, законов, литературы, местности, всего, всего, что связано с бытием отечества нашего. Без этого тысячи Державиных и Пушкиных не получат извне того сочувствия, которое всеяет к себе последний из пошлейших французигов» (3, с. 70-71).

Грот усмотрел в суждении своего старшего друга о Фритиофе «маленькое противоречие». В письме от 3.10.40 сказано: «Сами вы говорите, что *историки* и другие *литераторы*, даже самые *художники* должны *вывести на свет нацию* перед иностранцами. Но не то ли же и я стараюсь делать в отношении к скандинавскому Северу, и перевод Фритиофа не есть ли попытка к тому, чтобы художническим произведением *вывести на свет нацию*? Сухие диссертации и вообще ученые труды никогда не могут быть доступны стольким читателям, как поэма, хотя *первое* чтение ее и может показаться затруднительным; исторические истины, одетые в поэтические красоты, конечно, запечатлеются в памяти гораздо скорее, нежели – будучи изложены ученым образом; притом перед поэмою напечатано будет довольно подробное *приготовительное* вступление о быте и религии скандинавов. Я не думаю, чтобы одна малоизвестность предмета могла служить поводом к порицанию моего предприятия, если оно будет исполнено как должно. Когда я принялся читать «Frithiofs-Saga» на немецком языке, я не имел *ни малейшего* понятия о скандинавском мире, и однако так увлечен был поэмою, что ее красоты побудили меня изучить его: заметьте, что в немецком переводе почти вовсе не было объяснений, и я для всякой малости должен был рыться в книгах. Если эта поэма имела такое действие на меня, почему же и мой перевод не может хоть некоторых русских ознакомить со скандинавским Севером и привлечь их к изучению его. Вы знаете, как это важно для истории нашей, и если таково будет действие моего перевода хоть на двух-трех человек, то он не напрасен» (3, с. 76). Грот мечтал вручить самому Тегнеру свой перевод его саги на русский язык и надеялся на внимательное прочтение его Плетневым и Ишимовой.

Плетнев Гроту 8.10.40: «О Фритиофе, кажется, нет у меня противоречия. Вы сказали, что я предубежден против этой поэмы. А я говорю – нет; только нельзя ее читать с таким удовольствием, как читаешь Илиаду, где со всем знаком. Придет время, когда шведы превратят все предания их старины в картины, статуи, повести, трагедии и проч.; тогда, привыкнув на легком, станем свободно читать и серьезное. Но это не отнимает несколько цены у вашего труда. Напротив, он для нас и будет началом того, к чему должны вести нас шведы сами» (3, с. 89). Перевод Фритиофа превзойдет все ожидания Плетнева: «Переводчик так сблизился с героем поэмы, что, говоря о нем, сам становится Тегнером» (с. 688), – отзовется он в Современнике в 1841 году. Но уже 3 ноября 1840 г. скажет Гроту: «Поздравляю вас с блестящим именем в Швеции» (3, с. 121). В Германии перевод Фритиофа на русский язык будет воспринят «как доказательство, что русские с любовью изучают все европейские литературы» (3, с. 123). Отметим, тогда же Ю. П. Лундаль перевел с русского на шведский всю песнь о Полку Игорева.

Время и силы Якова Карловича в первые месяцы жизни «на свободе» уходили не только на подготовку перевода шведской поэмы, но и «Альманаха в память 200-го юбилея Императорского Александровского университета», в проведении которого он принимал самое деятельное участие. 27.11.40 он рекомендовал Плетневу: «Мнение мое о том, что вам писать для финляндской книги вы уже знаете: возьмитесь за что-нибудь русское, могущее интересовать и русских, и финляндцев. Например, составьте обзор всего, что в последние годы сделано для училищ в России, или напишите о нынешнем состоянии русской литературы, или о русских народных песнях и пословицах, о материалах для узнания русской старины и т.п. Статьи такого содержания были бы тем особенно занимательны, что служили бы как будто параллелью статьям финляндским. С последнею почтой получил я и от Ленрота письмо с тетрадью под заглавием: «О нынешней народной поэзии финских крестьян». Статья презабавная и преоригинальная. Как бы прекрасно было, если бы и русские статьи были под стать этим. Сообщите мою мысль Одоевскому и Сологубу... Если бы кто-нибудь написал даже умно о русском языке, то это было бы чудесное дело. Надобно помнить, что все будет переведено по-шведски и будет читано в Швеции. Книгу с стихотворением Францена с радостью будут там расхватывать. Нам надобно стараться воспользоваться этим единственным случаем, чтобы хоть несколько поправить понятие шведов о России. Предприятие наше в последствиях своих может быть важным явлением» (3, с. 149).

В ходе реализации плана подготовки к профессорской должности, исполнения которого он желал и боялся, Грот признался Плетневу в одном из поздних ноябрьских писем (27.11): «Я так отстал во многих предметах, особливо в русской литературе, что мне после напечатания Фритиофа и финляндской книги придется посвятить все время на то, чтобы не осрамить собою того звания, к которому меня назначают» (3, с. 148). Впрочем, были у него в виду предметы для разных статей, в том числе обучения русскому языку. 8.10.40 он писал Плетневу: «За будущие успехи учеников ручаться нельзя, потому что все их внимание обращено на множество предметов, которые они по справедливости считают для себя важнее русского языка. Чем может быть возбуждена их ревность к изучению его? Литература еще бедна, язык труден и молод; одна любовь могла бы сильно подействовать в этом отношении, и вот почему русские не должны бы ничего упускать, чтобы привлечь к себе сердца здешнего юношества. В естественном ходе вещей историческая неприязнь должна жить еще два-три поколения. По этой-то причине предположенная нами книга (дорогой «Альманах») важнее, нежели многие из нас думают, и поэтому-то она непременно должна выйти и на шведском языке (для России только на русском языке, для Финляндии же – на русском и на шведском)» (3, с. 83-84).

15 октября 1840г. Плетнев, любивший письма Грота, говорил ему: «Внимание умных учеников, зная их язык и нравы, пользуясь их уважением и доверенностью, не трудно обратить на предметы, столь занимательные для всякого образованного человека, как история могущественнейшего народа – политическая и литературная. Ревность может быть возбуждена знанием подробностей. Увлекаться не множеством новых рассказов, а

живостью и отчетливостью одного. Если в том виде, как у Карамзина выведен Грозный или Годунов, удастся вам, Яков Карлович, вывести перед слушателями несколько исторических и литературных действующих лиц с неизглаживающимися до сих пор памятниками их воли и ума, то, без сомнения, вы привлечете к лекциям своим всеобщее внимание. Для опыта, пока вы еще человек незакабаленный, напечатайте по-шведски в каком-нибудь хорошем журнале две статьи, например: из Современника Пушкина выписки из Конисского – о состоянии Малороссии под властью польских католиков, да из Державина – оду на возвращение Зубова из Персии, снабдив оба перевода необходимыми приличными дополнениями и объяснениями касательно эпох и самых действующих лиц, – я уверен, что финляндцы, разумею – умные и любознательные, запрыгают в восторге от ваших статей. Вот вам образцы, как надобно будет работать, а не составлять сухие учебники. Готовьте студентов не для безмозглого экзамена, а для пробуждения в них энтузиазма к прекрасному и всему поразительному между нами, о чем и не грезились им. Перед голосом таланта замолкнет всякая историческая неприязнь...» (3, с. 96-97).

Очевидно, что Грот, для которого весной 1841 г. *наступит время профессора*, и Плетнев, давным-давно «потерявшийся в своих занятиях», прекрасно понимали, что успех преподавания русского языка, словесности и истории в университете зависит в основном от двух главных факторов: 1. уровня профессиональной подготовки преподавателя и 2. качества учебника. Преподаватель и учебник – вот визитная карточка в университетское ученое и студенческое сообщество.

Плетнев верил, что из обзора всего лучшего в нашей литературе, например, обзора «Капитанской дочки» с выписками и раскрытием ее вальтер-скоттовских красот, или Карамзина (историка), или «Бориса Годунова» Пушкина можно в Финляндии «сделать прелесть – учебную книгу русской словесности для иностранцев», используя указания Грота. «Надо нам много осмотрительности и такту, чтобы сказать что-нибудь и полезное для двух народов, и особенно для обоих приятно», – писал он 22.10.40. Его совету «втянуть в наши интересы» Рунеберга с тем, чтобы «знать высоту Державина, неподражаемость Крылова, вкус и ум Карамзина, божественность Жуковского и художественную прелесть Пушкина», суждено было реальное воплощение. Но надежда на издание в Гельсингфорсе журнала на шведском языке вроде издаваемого им Современника, только помесечно, не осуществилась. Плетнев был убежден: «Это дало бы средство разлить по Финляндии и Швеции пропасть новых идей о России. Вот тогда бы оправдалось пророчество Вольтера, что теперь от Севера разливается свет знаний. Представьте, – говорил он Гроту, – сколько бы вы набрали интересного в одних старых журналах, альманахах и других сочинениях, начиная с 1800 года. Вы и все ваши друзья работали бы с жаром по указанию и руководству вашему» (3, с. 105).

3.11.1840 он сообщал своему младшему другу в Гельсингфорс: «Мой план насчет усиления учения русского языка в вашем университете понравился Его Высочеству и, вероятно, будет приведен в исполнение». 12.11.1840 из Петербурга в ответ на сетования Грота о неразлучности празднословия с обществом и об идущей за празднословием скуке донеслось: «Жить в Гельсингфорсе, быть уважаемому и любимому перлами общества, говорить по-шведски и не овладеть умами по желаемому направлению, – это непростительно. Введите в моду презирать кулачных бойцов и уважать людей *comme il faut*» (3, с. 132). 20.11.40 Грот напишет в Петербург: «О распространении истинного понятия о хорошей стороне русской литературы, как и России вообще, конечно, мы должны стараться, но тут никакой поспешности не нужно. Время – такой помощник, которым пренебрегать не должно. Желание заставить других верно думать о нашей литературе не должно отвлекать от других, более существенных, более положительных занятий: ибо первое условие, чтобы литература была уважаема за границей, есть все-таки ее внутреннее достоинство, а не уверения об этом достоинстве... Вперед вся моя тактика в обществе молчание на счет литературных дел, ибо как говорить с людьми, которые смотрят на предметы совсем с другой точки, нежели мы? Вернее всего можно действовать на мнение общим своим поведением, совокупностью своих трудов, а не словами, которые могут быть ложно толкуемы... Впрочем, я согласен, что тут надобно искать благоразумной середины...» (3, с. 142-143). Плетнев, вполне разделяя сказанное другом, полагал: «Наши собеседники – мы сами, питающиеся божественною пищею высоких талантов» (3, с. 152) и, восхищаясь незаурядными способностями Грота как переводчика со шведского, английского и других языков, по-прежнему советовал ему переводить с русского на шведский с намерением «по человечеству разливать все прекрасное, общее душам благородным»: «Переведите, например, «Дочь стационного смотрителя» Пушкина или его же «Пиковую даму» и проч.». Точно также он просил и со шведского переводить на русский, если Грот нашел там что-то равносильное указанному им (26.11.40).

Грот 21.01.41 после путешествия в Борго к Рунебергу просит Плетнева доставлять вещи, которые бы ему помогли «основательно приготовиться к исполнению должности профессора»: «Я должен прочесть все, что только есть порядочного в русской литературе, – все, относящееся до быта, нравов, народной поэзии, истории русских и т.п., а у меня по этим предметам нет никаких источников... Чтение же журналов и газет представляется мне таким ничтожным, что я намерен довольствоваться только беглым в них заглядыванием, чтобы не совсем отстать от нашей современной литературы» (3, с. 200). «Что же вам нужно для русской истории? – спрашивал Плетнев в письме от 15 января. – Последуйте моему совету: я с помощью почти только Карамзина составлю перед своим профессорством все те записки, которые вы читали и из которых многое даже выписали. Надо уметь только за дело взяться: ведите разыскание по каждой статье отдельно через все томы: 1. о законах, 2. о правлении, 3. о торговле, 4. о внешних сношениях и т. д. Всего более старайтесь выяснить, отчего север прежде сближенный (Варяги, Новгород, Ганза и проч.) мало-помалу расклеился и одичал? Тут великий можете сделать вывод, что для блага севера нужно ему опять сцепление. Есть ли у вас книга митрополита Евгения: О духовных писателях? Если нет, то вышло. Она очень полезна. Это словарь. В нем много и пустяков и врак, но нигде зато нет таких и подробностей о старине нашей» (3, с. 203-204).

В свою очередь просит Грота выписать ему заглавия французских книг, в коих есть любопытные подробности о скандинавах, их истории, жизни, религии и проч., не упуская из виду, что финский и скандинавский два мира различные. И получает из Г-форса названия сочинений Ампера, Мармье, Малле, Бергмана. В следующем

письме из Финляндии содержится совет напечатать в «Современнике» две главы, переведенные сестрой Грота Розой Карловной (псевдоним К. Р. Аполлонская) с итальянского из романа Манзони «Обрученные» (22.02.1841). Через 160 лет в какой-то точке неэвклидова пространства пересекутся линии Якова Карловича Грота и Умберто Эко, который назовет в «Шести прогулках в литературных лесах» «Обрученных» Алессандро Мандзони «одним из шедевров итальянской литературы 19 века» (6, с. 94).

Не забывает Плетнев бранить Грота, пишущего стихи, что он «мало изучает трех русских поэтов, возвысивших русский стих по самому механизму его до *pes plus ultra*». «Возьми какую угодно антологическую пьесу Пушкина, Батюшкова и Жуковского, да и сравни ее со своими... Изучение их образует не только ум, но самый слух.» (3, с. 279-280). В этом письме от 17 марта 1841 г. он скажет ему, что видит в нем «средовика между Русью и Финляндиею».

Плетнев, безусловно, видел в переписке с Гротом основу для выявления тенденций в финляндско-русских отношениях. 16 января 1841 г. он начал для наследника (Канцлера Александровского университета) записку, в которой изложил ему различие в нравах, образованности и моральной силе жителей Финляндии, разделив их на шведов, финляндцев и финнов, далее показал ему важность Гельсингфорского университета и отношение к нему каждого из племен. После изобразил, как распространение русского языка в племени т.н. финляндцев может не только в университете, но и повсюду действовать на сближение Финляндии с Россией. Записку писал человек, который понял «прямое счастье только в Гельсингфорсе». В те же дни Грот начал заниматься финским языком с талантливейшим и знаменитейшим филологом и путешественником Кастреном. Определенно Грот не случайно обратился к ученому, хорошо знавшему русский. Еще до принятия кафедры он понял важность принципа формирования национально-русского двуязычия. После 8 сентября 1841 г., когда он прочтет первую лекцию в Александровском университете, он станет обучать студентов русскому языку не вообще, а конкретным видам речевой деятельности: пониманию определенных текстов, пониманию видов устной речи, составлению письменных текстов – и все это в условиях финско-шведского двуязычия. Только на основе устной речи будет обучать письменной. Основным принципом методического обучения финляндских студентов русскому языку станет для ординарного профессора Грота Я.К. учет особенностей родного языка. В соответствии с ним будут составляться программы, учебные пособия, книги для университета в Гельсингфорсе, профессора которого в апреле 1841 г. и радовались персоне Грота и боялись, что «слишком усиленное учение русского языка повредит их древней национальной образованности» (3, с. 315). Профессор Грот, поставивший целью «согласить два интереса», будет читать литературу и историю по-шведски, но, влекомый советом Плетнева «начни, пожалуй и по-шведски, но историю политической России, да и вставляй в периоды после событий обзор литературных памятников», во время преподавания на шведском будет «мешать русские фразы, сравнивать языки, указывать на преимущества своего и проч. и проч.» Навсегда запомнит он слова старшего друга: «Действуй, как умный, тонкий и дальновидный политик. Ведь мы, стремясь выучить финляндцев по-русски, не гнем их, не дурачим, а добавляем интерес их. В самом деле ужели мы и не стоим их изучения?» (18.04.1841) И здесь же: «Верно, и тебя это поразило, что Рейн считался между прочим профессором русской истории, а сам не преподавал ее. Вот чего я им не прощаю; это простительно в Европе, которая не имеет обязанности знать нас, а не в Финляндии, которая при случае раболепствует пред нашим правительством. Тут есть что-то (к ужасу моему!) безнравственное. Смешно толковать, что они утратят древнюю ученость от русского языка. Это не ружье, не барабан, а такой же предмет изучения, как и языки финские, за которыми они же сами просятся в Сибирь. Студентам, готовящимся в ученое звание, совсем не лишнее знать русский язык... Ученому финляндцу, который говорит по-латыни, стыдно будет не выучиться по-русски, когда Грот профессор» (3, с. 323-324).

Грот всегда ставил себя в положение слушателей, чтобы испытать, будет ли в их понятиях ясно развиваться составляемая им картина. Под его руководством началась не только методическая разработка наиболее сложных разделов университетского курса русского языка – с первых дней занятия должности ординарного профессора он уделяет большое внимание организации научно-методической работы в Гельсингфорском университете: публикует статьи, в том числе в «Альманахе» в 1841-42 гг., в 1843 г. сообщает много любопытных филологических замечаний во время работы над шведско-русским лексиконом, готовит учебное руководство, которое бы годилось не только для студентов, но и для других финляндцев и которому поэтому он намерен был дать более литературную, нежели ученую форму, предполагая напечатать его так, чтобы на одной стороне был русский текст, а на другой – шведский. Задумал *русскую историю* в доступной для юношей, не знающих русского языка, хрестоматии, целью которой должно быть не столько знание русской литературы или русского языка в разные периоды их существования, сколько удачное собрание *образцов нынешнего языка* с присовокуплением нужных объяснений для чтения и пособий для самоупражнения, сообщения об элементах сочинения и разборы их, статьи о глаголе, «особо стараясь вникать в законы русского языка» (5, с. 593), – все это и многое другое, что появится на *новом этапе его жизни увлечения всемирной историей* (4, с. 562) – с 19.09.1845 г., названном самим Яковом Карловичем «новой жизнью», «временем высшей деятельности», «с веком наравне», Плетнев назовет подвигом *профессора*.

Благо было предметом и целью планов профессора словесности Плетнева и профессора русского языка, истории России и ее литературы Грота, любивших Финляндию. «Требуй, – слышалось из Петербурга, – чтобы некогда все студенты готовы были слушать по-русски; теперь из снисхождения ты пока будешь помогать им объяснением по-шведски, но чтобы они не надеялись всегда эти предметы слушать по-шведски. Нет, ты это твердо помни, что тебя сделали апостолом русского языка в чужонской земле. Историю я выбрал как соблазн, как приманку для лобознательности студентов. Но главная цель – разлитие русского языка» (3, с. 329). Стать любимым профессором Гроту помогут определительность предмета, ясность мнений и новость взгляда и самого сюжета. Яков Карлович говорил Петру Александровичу: «Если уже дознано, что к русскому языку здесь очень нерасположены, то надобно действовать медленно, но верно, и прежде представить в настоящем свете Россию и

ее литературу. Как могут меня называть шведом за то, что я буду объясняться на языке общепонятном, говоря о России?» (3, с. 334)

«Надобно из каждого периода в политической ли истории или в истории литературы, – рекомендовал Плетнев в письме от 24 мая 1841 г., – образовать отдельную, ясную сферу и в ее средоточии ставить характерное, сильное лицо – двигателя всех пружин его эпохи... Этот план возвысит твои лекции как политической истории России, так и ее литературы. Не пропадет тогда ни одна лекция для твоих слушателей. Они выйдут от тебя с приобретением драгоценным – с понятием главным, разлившим свет на все окружающее» (3, с. 359). Уже в начале 1841 года младший сын ректора Урсина Нильс едет в Москву и Харьков на счет университета вместе с Валленом, Гартманом и Моландером для изучения русского языка. 13.10.1845 г. Плетнев сообщит Гроту: «В Москве финляндские студенты являлись к Наследнику. Он очень тем доволен. Рассказал мне Путята у Одоевского» (4, с. 585). В ЦИАМ хранятся документы, подтверждающие успехи студентов из Финляндии. Через много лет, когда не будет уже на свете Плетнева, в День своего 80-летнего юбилея Яков Карлович Грот услышит много прекрасных слов от своих бывших коллег и учеников из Александровского университета и еще раз убедится, как был прав ректор С.-Петербургского университета академик Петр Александрович Плетнев, говоривший ему еще весной 1841 г.: «Мы счастливее всех!» Как радостно знать, что Плетнев успел услышать от любимого своего Якова Карловича: «Я часто благодарю судьбу за переписку нашу; конечно, не последнее счастье еженедельно получать два приятнейших подарка, не вещественных, не суетных, а чисто духовных и полновесных, хотя невесомых».

Грозная российская история, сложная история российско-финляндских отношений пронизана воздухом дружеских известий и встреч между русскими и финляндскими учеными-филологами, которые составляют ее безусловную ценность. Это они, Грот, Плетнев, Ленрот, Кастрен и многие-многие другие направляли действия властей по «разлитию русского языка»: «Испытал на самом себе, что распределение и утверждение русского языка в иноплеменном краю не может быть делом одного человека... Прочные успехи русского языка могут быть достигнуты только последовательными и терпеливо направляемыми к тому мерами самого правительства и его учреждений, поддерживаемых собственным сознанием страны в их необходимости» (1, с. 39) – это строки из «книжки» (Н. Грот), изданной Императорской Академией Наук в 1895 году и являющейся первым основанием его будущему жизнеописанию.

Источники и литература

1. Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристике. – С.-Пг, Тип. ИАН, 1895.
2. Записка Плетнева /Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым /Под ред. К. Я. Грота: В 3-х тт. – С.-Пг, 1896. – Т. 1.
3. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым /Под ред. К. Я. Грота: В 3-х тт. – С.-Пг, 1896. – Т. 1.
4. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым /Под ред. К. Я. Грота: В 3-х тт. – С.-Пг, 1896. – Т. 2.
5. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым /Под ред. К. Я. Грота: В 3-х тт. – С.-Пг, 1896. – Т. 3.
6. Умберто Эко. Шесть прогулок в литературных лесах. – С.-Пг, 2003.

Ле Минь Нгок

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ» И «СТАТУС» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Для лингвокультурного сопоставления английского, русского и вьетнамского рекламного дискурса нами были выбраны концепты «индивидуальность» и «статус». Данные концепты используются в рекламном дискурсе с высокой частотой. Сопоставление этнокультурных особенностей этих концептов в русской, английской и вьетнамской лингвокультуре в общем и их реализации в рекламном дискурсе на этих языках в частности показывает нам, как происходит процесс культурной глобализации в русском и вьетнамском обществах. Основной наш интерес направлен на анализ концепта «индивидуальность», т. к. он отвечает на один из основных вопросов человеческого мировоззрения, а именно вопрос о месте человека в окружающей его мире. От того, какую модель взаимоотношения человека с космосом использует человек, зависят его понимание природных и общественных отношений, его ценностная картина мира и его жизненные мотивы.

Во многих лингвокультурных исследованиях концепт «индивидуальность» выделяется как один из культурных доминантов англосаксонской (англо-американской) лингвокультуры. К числу важнейших концептов, определяющих сущность современной американской лингвокультуры, относятся четыре концепта 'self', 'privacy', 'challenge', 'efficiency' [1]. Цветкова М. В. выявляет наиболее яркие показатели английского национального характера: «дом», «свобода», «приватность», «честная игра», «сдержанность», «джентльменство», «наследие», «юмор», «здоровый смысл» [4]. По мнению Ильиной Е. Ю. [2], в социальном плане демократическое устройство общества, которое определяется как самая справедливая социальная система, повлияло на выделение концепта свободы личности как доминантно-ценностного компонента культуры демократического общества. Приоритет индивидуальности, свободы личности является главными атрибутами индивидуалистического мировоззрения в развитых странах Запада (под Западом мы имеем в виду страны Западной Европы и Северной Америки). Однако является ли индивидуализм зарождением западной демократии, или именно индивидуалистический менталитет народов этих стран привел к образованию демократии? Другими словами, является ли индивидуализм социокультурным или этнокультурным концептом? Мы соглашаемся с мнением тех исследователей, которые находят этнокультурные корни у западного индивидуализма.

Этнометрические исследования, начатые нидерландским социальным психологом Гертом Хофстедом в 80-х гг. прошлого века и его методика «Модуль исследования ценностей», позволившая определить коэффициент индивидуализма для каждой страны, свидетельствуют о противоположности «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Индивидуализм в концепции Хофстеда трактуется как показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его подчинение групповым ценностям. В